

РОСОМОНЫ ИОРДАНА В СВЕТЕ ГЕРМАНСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ

И.В. Зиньковская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 октября 2008 г.

Аннотация: в статье всесторонне рассматривается вопрос о росомонах, упомянутых у готского историка Иордана (*Get.*, 129). В результате тщательного историографического анализа отечественной и зарубежной литературы автор приходит к выводу о несостоятельности всех предложенных ранее «этнических» интерпретаций имени росомонов (иранской, славянской, германской и др.).

Ключевые слова: росомоны, Иордан, германцы, героический эпос, этимология, готы.

Abstract: the article gives a thorough review of *rosomoni* mentioned in the work of Gothic historian Jordan (*Get.*, 129). On the basis of comprehensive historiographic analysis of Russian and foreign literature, author comes to a conclusion about inconsistency of all the previously proposed 'ethnic' interpretations of *rosomoni* name (Iranian, Slavic, Germanic, etc.).

Key words: *rosomoni*, Jordan, Gothic may, etymology, goths

В «Гетике» готского историка Иордана содержится рассказ о падении державы Эрманариха в первый год гуннского нашествия. Продолжая «сплестать историю происхождения готы», Иордан уделяет немало внимания так называемому заговору росомонов (*Get.*, 129). Судя по контексту, этот рассказ призван раскрыть читателям обстоятельства кончины могущественного остроготского короля, смертельно раненного двумя братьями-росомонами Саром и Аммием в самый напряженный момент истории готы в Причерноморье, и тем самым объяснить причину гибели их королевства. Так в истории появляется мотив роковой мести, сыгравшей немалую роль в гибели могущественной державы готы-грейтунгов. А вместе с ним на историческую арену выходят и росомоны – одни из самых загадочных и неуловимых персонажей истории Восточной Европы на рубеже древности и Средневековья.

Иордан, гот по происхождению (*Get.*, 316), дает им сжатую, но крайне негативную характеристику – *Rosomogum gens infida* («коварный род росомонов»). Братья-росомоны, замыслившие отомстить за смерть своей сестры Сунильды, подвергнутой страшной казни за побег от мужа – по приказу Эрманариха ее разорвали дикие кони – пора-

зили короля в бок мечом. Из-за нанесенной раны он «влячил жизнь больного». Узнав об этом недуге, король гуннов Баламбер двинулся войной на остроготов. В результате, по словам Иордана, страдающий от раны, постаревший и одряхлевший Эрманарих, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни (*Get.*, 130). Вместе с ним рухнула и его держава. По мнению большинства современных историков, это событие произошло в 375 или 376 г. Итак, помимо внешнего врага – гуннов, Иордан назвал конкретных виновников гибели короля среди «своих» – росомонов, положивших начало великим бедствиям его предков-остроготов.

Среди исследователей практически нет расхождений в вопросе об источнике сведений Иордана (или его предшественника Аблавия) о мести росомонов и гибели Эрманариха [10]. В качестве такового они единодушно указывают на устно передаваемое героическое сказание [46]. Но несмотря на явно эпическую оболочку, в рассказе Иордана еще узнаваемы некоторые исторические факты (гуннское нашествие, измена в окружении короля из-за его самоуправства, сам образ одряхлевшего правителя и др.). Однако под пером Иордана они уже прочно спаялись с чисто эпическим вымыслом [55].

Иордан изложил историю гибели Эрманариха спустя почти 200 лет после описанных им событий.

Здесь в «Гетике» в первый и последний раз встречается название загадочного племени росомонов. Как известно, их имя больше не упоминается ни в одном из известных исторических источников. В рукописях сочинения Иордана оно чаще всего читается как *rosomonogum gens* (Gen. pl. от *rosomoni*). Рукопись «Гетики» Hs. V дает *rosomonagum*, а рукопись Z – *rosomanogum*. Один раз встречающаяся форма *rosomogum* в Hs. L., вне сомнения, является результатом ошибки переписчика [53].

Следует напомнить, что Иордан именует росомонов *gens* – как известно, в поздней латыни словом весьма многозначным. В зависимости от контекста оно могло означать и «народ», и «племя», и «род», и «категорию». В интересующем нас месте *Rosomonogum gens*, скорее всего, употребляется в третьем, родовом значении [4]. Суммируя мнения германских исследователей, Х. Кастрициус допускает, что за словосочетанием *gens Rosomonagum* мог скрываться и народ, и народность, и воинский союз, и просто знатный род [49].

Помимо самого названия «росомоны» историком приведены три имени представителей этого рода: Сунильды (*Sunilda*), Сара (*Sarus*) и Аммия (*Ammius*) – основных персонажей сказания о смерти Эрманриха. Упоминается и муж Сунильды – то ли сам король Эрманрих, то ли ее муж, изменивший королю, то ли муж, ставший жертвой супружеской неверности. К сожалению, Иордан не называет его имени. Исследователи допускают, что им мог быть готский вождь Алатей, который незадолго до гибели Эрманриха увел часть соплеменников к Дунаю [61; 8]. Однако в контексте древнегерманских саг, в которых получил дальнейшее развитие этот сюжет, нельзя исключать и того, что супругом Сунильды был сам король Эрманрих. Правда, этому явно противоречит пояснение самого Иордана «*quondam mulierem*» («некую женщину»), поставленное перед именем росомонки [4]. Вряд ли так Иордан мог называть Сунильду, если бы она на самом деле была королевой.

Кроме вышеназванных сведений, в распоряжении исследователей нет каких-либо других независимых данных, которые послужили бы ключом к раскрытию загадки росомонов, исходя из текста «Гетики» Иордана. Как представляется, эта проблема имеет две стороны:

- 1) филологическую (происхождение и значение названия «росомоны»);
- 2) историческую (этническая, социальная или иная принадлежность росомонов).

В отличие от историков, лингвисты, исследовавшие происхождение термина и значение имени росомонов, стремятся оперировать конкретными языковыми фактами, а не общеисторическими аргументами [3]. Однако и в их работах наблюдается удивительный разнобой в понимании имени росомонов, заставляющий еще раз вспомнить известную истину – число этимологий обратно пропорционально степени их достоверности. Название «росомоны» – явно сложносоставное. У исследователей, принадлежащих к различным национальным школам и научным направлениям не вызывает сомнений понимание второй его части – *moni*, поскольку она входит в состав ряда известных древнегерманских этнонимов (ср.: «*markomanni*», «*alamanni*», «*nordmani*»). Хорошо известно, что в германском именовании в социальном плане весьма часто встречается компонент «*mann*» (муж, человек). В готском языке он имел форму *manpa*. Эту часть имени росомонов можно однозначно прочесть как «мужи», «люди». Тогда это имя значит что-то вроде «люди рос» по аналогии, например, с норманнами – «людьми севера». Однако камнем преткновения является первая часть имени «*ros-*», явно указывающая на принадлежность этих «мужей» к чему-то или кому-то.

По поводу значения этого слова в литературе можно найти целый спектр гипотез от в той или иной степени научно аргументированных до чисто дилетантских. Большинство из них строится на основе так называемой смешанной системы доказательств, когда в одну корзину сваливаются и данные лингвистики, и данные истории, и данные археологии. В этническом плане в росомонах видят иранцев-роксолан (иногда просто алан), русов-славян, но чаще всего германцев: готов, герулов, ругов, бургунов и др. Для того чтобы попытаться выйти на наиболее продуктивный путь решения проблемы, кратко рассмотрим основные гипотезы о принадлежности росомонов, сформулированные в отечественной и зарубежной науке.

Росомоны – иранцы-роксоланы. Впервые в отечественной науке на рассказ Иордана о гибели Эрманриха в результате измены росомонов обратил внимание М.В. Ломоносов [23]. В споре с академиками-норманистами в имени росомонов особый интерес у него вызвало начальное слово «рос», подобное началу часто встречающегося в античных источниках названия сарматского племени роксоланов. Последних он считал частью народа аланов, обитавших по берегам реки Ра (Волга). По созвучию слов М.В. Ломоносов отожд-

дествил эти этнонимы. Росомонов-роксолан он рассматривал как предков славян. Справедливости ради надо напомнить, что М.В. Ломоносов не был первым ученым, сопоставившим античный этноним «роксоланы» со средневековым «Русь». Своими корнями эта идея восходит к европейской географической традиции эпохи Возрождения именовать Россию Роксоланией. Видимо, одним из первых отождествил Россию и Роксоланию в начале XVI в. С.М. Вилибальд Пиркхаймер [26].

Тем не менее сформулированной М.В. Ломоносовым «роксоланской гипотезе» в отечественной науке была суждена долгая жизнь. В различных модификациях ее придерживались русские историки-антигорманисты XIX в., в частности, Д.И. Иловайский [17]. Пересказывая историю Сара и Аммия, смертельно ранивших Эрманариха, он даже заменил подлинное имя росомонов, известное только из «Гетики» Иордана, на искусственно сконструированных им «россоланов». Его противникам не трудно было показать, что последние – не славяне. Судя по немногим, дошедшим до нас именам, они говорили на ином, неславянском языке. «Методика» Д.И. Иловайского сильно дискредитировала и затруднила [42], но, как показала история, вовсе не остановила научный поиск в этом направлении. В частности, уже в XX в. Г.В. Вернадский полагал, что название росомонов в историописании Иордана, если оно не искажено устной традицией, является другой формой произношения имени роксоланов [9]. По его мнению, изначально «рухс» могло на некоторых местных диалектах звучать как «рос», «росс» или «русь», в свете чего могут быть поняты источники греческого этнонима ρως и славянского «русь». Эту весьма дилетантскую «иранскую» этимологическую версию и сопоставление основ «рос» и «рус» трудно назвать научной гипотезой. Как ее вариант можно оценить и идею О. Менчен-Хелфена о том, что росомонами могли быть и аланы – реальные участники событий, в результате которых пала держава Эрманариха [52]. Правда, он считал это предположение недоказуемым и поэтому как-либо его не аргументировал.

Вопрос о росомонах и «Руси» более полувека назад в традиционном для отечественной историографии духе был рассмотрен М.И. Артамоновым [5]. В конце 40-х гг. прошлого века иранист В.И. Абаев обратил внимание на осетинское слово *mojnǎe* – «муж», допуская, что вторая часть имени росомонов может иметь не германскую, а местную иранскую, сармато-аланскую основу с тем же значением «мужи» [1]. Тогда же эту гипотезу активно

поддержал С.П. Толстов, считавший роксолан одним из предшественников славян-русов. В росомонах Иордана он видел этноним, непосредственно ассоциирующийся с роксоланами, и «параллельным с именем антов». По мнению этого исследователя, их потомки вошли в состав так называемой Приазовской Руси, положив начало донскому, северокавказскому и нижневолжскому славянству [38]. В то время дальше всех пошел А.Д. Удальцов, высказавший предположение, что росомоны Иордана – это другое название «южной ветви восточных (русских) славян-антов», в которую входили и роксоланы [43]. Он отождествлял два этих совершенно различных этнонима до такой степени, что прямо писал об антах-росомонах. Антов и росомонов в начале 50-х гг. XX в. сближал и П.Н. Третьяков, правда, более осторожно, чем А.Д. Удальцов [40].

По поводу правомерности сближения росомонов и антов напомним, что Иордан знает и тех и других (Get. § 43, 246). Судя по всему, эти последние, как и их предки-венеты (Get. § 119), находились в подчинении у готского короля Эрманариха. Но в отличие от мнения А.Д. Удальцова и ряда других российских, а также украинских историков в повествовании Иордана росомоны и анты не только не отождествляются, но никогда и нигде даже не соприкасаются. Да и свидетельства о тех и других у Иордана явно восходят к различным источникам.

Иранское начало в древнейших этнонимах с корнем «рос» предполагал и В.В. Седов, правда, без какой-либо дополнительной аргументации [33]. Судя по всему, он исходил из своего этнического определения антов-черняховцев как иранцев. Позже он несколько изменил свою точку зрения, допуская вслед за О.Н. Трубачевым возможность происхождения интересующего нас этнонима из индоарийских языков [34]. Иранскую принадлежность имен трех росомонов: Сунильды, Сара и Аммия – не так давно попытался доказать А. Н. Карсанов [18]. В то же время против иранских корней «руси» в этнонимах «роксоланы» и «росомоны» вполне определенно высказался лингвист О.Н. Трубачев [41]. Дело в том, что осетинское «рухс» в языках сарматов и аланов звучало бы как «раухшна». Поэтому названия с основой «русь»/«рос» отсюда объяснить нельзя.

А.Г. Кузьмин в поисках истоков Руси не обделил вниманием росомонов, которых он считал остатками иранских племен Северного Причерноморья [22]. По его мнению, они вновь выходят на

арену истории во время правления готского короля Эрманариха под именем росомонов, а также упоминаемых тем же автором рогов и рогов. В полемике с немецкими учеными исследователь подчеркнул, что само название этого племени и имена трех его представителей свидетельствуют о реальности существования росомонов. Правда, он локализовал их весьма противоречиво: то где-то на Тамани, по соседству с синдами и меотами, то предлагал искать их в рамках черняховской культуры. Вполне вероятно, что после падения остроготского королевства они остались в Причерноморье. А.Г. Кузьмин допускал возвышение уцелевших росомонов Крыма и Тамани в эпоху Раннего Средневековья, что, на его взгляд, и привело к распространению этого этнонима на другие племена в форме «Росия» и «росы». В очередной раз исследователь попытался связать росомонов с «Русью» наших летописей, ссылаясь на сходстве обычаев славянской руси-полян и таких племён, как аланы и скифы. По поводу последнего аргумента следует заметить, что, к сожалению, наш единственный источник – Иордан – не сообщает ничего конкретного об образе жизни росомонов, а в обычаях полян, с одной стороны, и ранних кочевников, будь то скифы Геродота или аланы Аммиана Марцеллина – с другой, обнаруживается больше различий, чем сходства.

Новейший вариант «роксоланской» гипотезы можно найти в книге Е.С. Галкиной [11]. В основных чертах она повторяет наработки предшественников, исходивших из иранской этимологии имени росомонов. Исследовательница полагает, что североиранская принадлежность росомонов более вероятна и связывает их потомков с так называемыми причерноморскими «русамии» Подонья – Приазовья, которые были известны раннесредневековым арабским авторам в форме ар-рус. Однако основанием для заключения об ираноязычии последних служит лишь предположение А.П. Новосельцева [27] и их созвучие с названием северокавказского племени Рухс-ас, возводимого некоторыми историками к древним роксоланам Северного Причерноморья [14]. По мнению Е.С. Галкиной, именно они стали основным этносом в формировании Русского каганата VIII–IX вв. в лесостепном междуречье Дона и Донца. Концептуально точка зрения Е.С. Галкиной явно восходит к идеям Д.Т. Березовца, Д.Л. Талиса, О.Н. Трубачева о Причерноморской или Приазовской Руси, в которой определяющую роль играл старый иранский (или индоарийский) этнический элемент.

В последние десятилетия проблеме роксолан – росомонов немалое внимание уделили и украинские ученые. Киевский лингвист О.С. Стрижак привел свои соображения о возможной связи предков «росов» и роксолан [37]. Он высказался за возможность лингвистического перехода иранского этнонима «роксоланы» в имя росомонов у Иордана, а от них к «роси». Украинский историк Ю.В. Павленко также попытался связать сарматов-роксолан с иордановыми росомонами [28]. По его гипотезе в первых веках н. э. в Поднепровье сложилось сильное славяно-сарматское объединение «Роксолания», которое контролировало якобы не только практически всю территорию Левобережной Украины, но и лесостепное междуречье Днестра и Дуная (заметим, в античную эпоху оно неизвестно ни одному из авторов и впервые появляется только в ученых сочинениях эпохи Возрождения для обозначения России. – *И. 3.*). По его мнению, через черняховскую культуру III–IV вв. славянизированные роксоланы могут быть увязаны с иордановыми росомонами. Одновременно с Ю.В. Павленко среднеднепровскую группу сарматов отнес к роксоланам О.В. Комар, поддержавший идею связи последних с росомонами [20]. Правда, позже после более детального изучения письменных, археологических и лингвистических материалов по проблеме «роксолан – росомонов – роси» он вынужден был отказаться от рассматриваемой гипотезы ввиду ее полной научной бесперспективности. Но он допускает, что под именем росомонов в германской традиции мог скрываться кочевой ираноязычный народ (скорее всего аланы), подлинное имя которых в источниках не называется [21].

Пример современного, крайне усложненного варианта иранской гипотезы можно найти в работах В.А. Абакумова [2]. На его взгляд, росомоны сложились в этнополитическую единицу ещё в дочерняховский период (I–II вв. н. э.), в процессе взаимодействия местного савромато-поставхатского населения и одной из пришлых групп собственно росиев — сарматов-аорсов. В «черняховидный» же период своего существования (III–IV вв.) росомоны функционировали как окраинный, северо-восточный компонент Рейдготии (т. е. страны остроготов-грейтунгов. – *И. 3.*). В.А. Абакумов утверждает, что росомоны сохраняли, по-видимому, свой скифо-сарматский диалект и иранские собственные имена (Сар, Амми). Германизация носителей пограничного северскодонецкого варианта черняховской культуры в тот период была непродолжительной и весьма поверхностной. За-

тем оказавшись где-то во 2-й четв. VI в. в антском этно-политическом союзе, росомоны постепенно славянизировались. Как мы видим, если отбросить наукообразную терминологию, и эта гипотеза строится на более чем шатких, иногда откровенно фантастических основаниях. В основу ее конструкции положены этнонимы, носителей которых никогда не было в Поднепровье (что стоит только сконструированный псевдоэтнос «савромато-поставхатское население»!), связь же между остальными достоверно не прослеживается.

Итак, и российская, и украинская наука к концу XX в. фактически вынуждена была вернуться к авторитетному заключению Е.Ч. Скржинской, высказанному полвека назад: «Сводить росомонов к исторически засвидетельствованным роксоланам (Страбон, Птолемей, Иордан) нет оснований» [35]*. Еще более жесткую оценку «роксоланская гипотеза» получила в комментариях А.Н. Анфертева к переводу «Гетики» Иордана [4]. Против отождествления роксоланов и росомонов, на наш взгляд, явственно свидетельствует еще один, незамеченный исследователями факт. Иордан, хорошо знавший сочинения Страбона (*Get.*, 12), Помпония Мелы (*Get.*, 16), Корнелия Тацита (*Get.*, 12), Помпея Трога (*Get.*, 48, 61), Клавдия Птолемея (*Get.*, 16–19) и других античных авторов первых веков н. э., не мог не обратить внимание на часто встречающийся у них этноним «роксоланы». Более того, он его знает в форме «агохолани» и указывает, что последние тогда обитали к востоку от Дакии (*Get.*, 74). Из этого факта можно сделать заключение, что в отличие от современных исследователей имя роксоланов («араксоланов») не вызывало у Иордана никаких ассоциаций с росомонами. Между тем, хорошо известно, сколь важную роль в «творческой кухне» готского историка играли сопоставления, основанные на созвучии, как правило, далеко не полном различных этнонимов. Достаточно вспомнить хрестоматийный факт – подмену Иорданом (или его предшественниками) древнего имени ге-тов его соотечественниками-готами.

Росомоны – «славяне-росы». В исходной части эта гипотеза близка «роксоланской», но акцентирует внимание на изначальном славянстве носителей этнонимов с основной «рос». В отечественной науке уже почти два с половиной столетия доминирует точка зрения, что росомоны Иордана – это одно из самых ранних упоминаний приднепров-

ских славян в форме «люди росы». Как уже указывалось, она была впервые сформулирована М.В. Ломоносовым в гл. 9 его главного исторического сочинения «О происхождении и древности россов, о переселениях и делах их» [4]. Справедливости ради следует напомнить, что именно М.В. Ломоносов первым обратил внимание на сходство звучания основы «рос» и названия р. Рось в Правобережье Днепра, многократно повторенное его последователями в XX в. Точка зрения М.В. Ломоносова оказалась наиболее привлекательной и для советских ученых. По существу она легла в основу т. н. «южной гипотезы» происхождения Руси.

Еще в начале XX в. германский востоковед И. Маркварт обратил внимание на имя Нгос у сирийского автора VI в. Псевдо-Захария Ритора [52]. Он первый попытался научно обосновать связь этого, библейского по происхождению этнонима с росомонами Иордана, но в последних он видел германское племя. Через сорок лет идея И. Маркварта была подхвачена советским востоковедом Н.В. Пигулевской, сопоставившей народ Нгос, упомянутый в «Церковной истории» Псевдо-Захария, с летописной Русью [29]. Вскоре эта гипотеза приобрела характер весьма жесткой концепции, доминировавшей в советской науке фактически до конца XX в.

Уже в тезисах доклада 1951 г. «К вопросу об образовании древнерусской народности» Б.А. Рыбаков особое значение в древнерусском этногенезе придавал племени иордановых росомонов. В них он видел одно из сильных восточнославянских (антских) племен [30]. В то же время «росомоны» – это русские дружинники на юге, которым приходилось то вступать в союз с готским князем, то враждовать с готами. В дальнейшем эта идея получила развитие в целом ряде больших и малых работ академика. С ними он связал «ядро будущей русской народности». Вслед за Н.В. Пигулевской Б.А. Рыбаков сопоставил этноним «росомоны» со свидетельством VI в. Псевдо-Захария Ритора о народе Нгос и с приднепровским гидронимом Рось. В готской и аланской среде слово «росомоны» означало «люди росы» [32] и, скорее всего, они уже были славянами [31]. По его заключению, росомоны изначально обитали в киево-росском регионе, а затем заселили отсюда район Днепровской Луки и порогов. Проживая по соседству с подданными Эрманариха, росомоны в своих интересах должны были поддерживать нормальные мирные отношения с готами и, возможно, как-то оплачивали этот мир или платили им проездные пошлины, что

* Правда, отдавая дань времени, в комментарии 247 Е.Ч. Скржинская (С. 241–242) все же допускала возможность связи имен роксоланов и росомонов.

Иордан представил читателям как подвластность готам. Так из одного имени росомонов под пером Б.А. Рыбакова родилась целая история взаимоотношений славян-росомонов и готов, с которой собственно и начиналась история Руси: роксоланы → росомоны («народ рос») → народ Нгос Псевдо-Захария Ритора → византийский этноним ῥωσι и, наконец, летописная «Русь». Однако нельзя не заметить, что между ее ключевыми звеньями вместо строгих научных доказательств мы находим лишь ряд допущений, на что неоднократно обращалось внимание в последнее время [15]. Да и практически каждое звено указанной выше цепочки базируется не на надежно установленных фактах, а на частной гипотезе, в свою очередь нуждающейся в верификации и дальнейшей разработке. Достаточно напомнить хотя бы один факт – древней летописной формой написания названия р. Рось была Ръсь, а жители ее берегов назывались не росы/руссы, а поршане [37]. Существование особого славянского племени русов в правобережье Днепра исторически не доказуемо и не подтверждается данными каких-либо источников. Таким образом, исчезает главное основание для сопоставления имени иордановых росомонов, гипотетических росов и летописной руси.

Известный киевский археолог и историк М.Ю. Брайчевский считал, что этническая природа росомонов остается спорной, однако контекст, в котором они упомянуты, позволяет полагать, что у Иордана имеются в виду восточные славяне [6]. Основной его аргумент – косвенный. Исследователь исходил из того, что источник, упоминающий росомонов, датируется VI в. н. э., то есть эпохой, когда процесс формирования славянской Приднепровской Руси уже проявил себя в достаточной степени. Однако все же заметим, что у Иордана росомоны упоминаются в связи с событиями иной эпохи – финала черняховской культуры, когда этно-культурная ситуация на Юге Восточной Европы была совсем другой, нежели в VI в.

Не вдаваясь в подробный анализ весьма многочисленных работ российских и украинских археологов-славистов, отметим лишь, что для одних из них росомоны Иордана – это одна из групп черняховцев IV в., населявшая Среднее Поднепровье, в особенности бассейн реки Рось. Другие археологи связывали носителей этнонимов с корнем «рос» с племенами раннесредневековой пеньковской культуры VI–VII вв. Третьи предлагали видеть в имени росомонов лишь иное название венедов или антов.

К настоящему времени обоснованно отвергнуты как несостоятельные попытки возвести летописное «Русь» непосредственно к росомонам Иордана. А значит, отпал главный «ретроспективный» аргумент в пользу их славянской принадлежности. Как представляется, он носил не столько научный, сколько идеологический и политический характер – во что бы то ни стало доказать исконность и славянскую принадлежность названия «Руси» и этноса его носителей. Напомним, что о неславянской принадлежности племени росомонов весьма аргументировано писал Отто Йричек еще более ста лет назад [51]. Да и судя по звучанию имен трех росомонов у Иордана – Сунильды, Сара, Аммия – они не были славянами (об этом см. ниже). В XX в. и зарубежные, и отечественные филологи неоднократно обращали внимание историков на то, что чередование звуков О/У и Ъ/У, позволявшее историкам легко выводить «русь» из основы «рос», в восточнославянских диалектах практически невероятно [19]. Против «росомонских» корней Руси в последнее время весьма аргументированно выступил И.Н. Данилевский, акцентировавший внимание на том, что эта гипотеза строится на омонимии вышеназванных этнонимов, имеющих разное происхождение [15]. Он еще раз напомнил, что между историческими свидетельствами о роксаланах, росомонах, с одной стороны, и «Русью» – с другой, зияет лакуна почти в целое полутысячелетие. Ее не удастся скольнибудь убедительно заполнить ни археологическим, ни лингвистическим материалом достоверно славянской принадлежности.

Росомоны – древнегерманское племя

Со времени первых публикаций «Гетики» Иордана немецкие исследователи чаще всего видели в росомонах одно из восточногерманских племен, подчиненных Эрманариху. Расхождения касались лишь этимологии их этнонима, а также их конкретной племенной принадлежности. Росомонов относили к готам, герулам, ругам, а также к другим древнегерманским племенам.

Как уже указывалось, еще сто лет назад И. Маркварт сопоставил имя Нгос в названном выше сирийском источнике Захария Ритора с иордановыми росомонами [52]. В последних он видел германское племя, мигрировавшее вместе с готами из Скандинавии и осевшее в причерноморских степях. Исследователь допускал их принадлежность к герулам. В германской историографии XX в. герульская гипотеза является едва ли не самой популярной. Ее разделяют такие маститые современные

исследователи, как австриец Хервиг Вольфрам, немец Отто Гшвантлер, датчанин Хакон Станг и др. [10]. Расхождения начинаются лишь при попытках установить значение самого этнонима росомонов и производную от него конкретную племенную принадлежность. Попытаемся кратко суммировать основные результаты изучения проблемы росомонов в рамках «германской» гипотезы.

Германские исследователи практически единодушны в том, что из контекста Иорданова рассказа нельзя установить, к какой языковой группе принадлежали росомоны. Однако имя главного женского персонажа, Сунильды, уверенно определяется как германское (гот. *Swôna-hildis*, др.-сканд. *Svanhildr*). Также и имена ее братьев, Сара и Аммия, большинство лингвистов возводят к древнегерманским основам [53]. Германские исследователи обратили внимание и на то, что Сунильда, Сар и Аммии в слегка измененной форме еще долго сохранялись в именном континууме древнегерманских саг.

Уже более ста лет первую часть имени росомонов германские ученые (Т. Гринбергер, С. Гутенбруннер, О. Гшвантлер и др.) чаще всего возводили к древневерхненемецкому цветообозначению *gosamo/gosomo* – слову, которое употреблялось для передачи различных оттенков красного цвета (чаще всего встречается значение «красно-коричневый») как тела человека, так и вещей. Дополнительно они ссылались на упоминание т. н. «красных германцев» у античных и византийских авторов. Исходя из этой этимологии, О. Гшвантлер считал возможным видеть в росомонах союз воинов, красящих волосы в красный цвет [50]. В последнее время эту гипотезу попытался всесторонне обосновать датский историк Х. Станг [36]. Он еще раз напомнил о германском обычае ритуального окрашивания волос красным цветом перед вступлением в бой, заимствованном германцами у кельтов**. Наконец, в 1978 г. шведский историк С. Сюдерлинд предположил, что уцелевших от гуннского нашествия готов их славянские соседи называли «русь», якобы от других слов «руд(у), рус(у)», т. е. «русые», откуда, по его мнению, и «росомоны» – т. е. «русые» [58].

Недавно Г. Нойман вслед за С. Бугге склонился к иной интерпретации «красноты» росомонов [53]. Последнюю они считали семантически взаимосвязанной с их коварным поведением – изменой королю Эрманариху (*Rosomonogum gens infida*). В подтверждение этой точки зрения Г. Нойман приводит ряд свидетельств из германской средневековой традиции о бытующем в народе недоверии к «красным» («рыжим»), собранных Е. Швентнером еще почти сто лет назад [57]. По его мнению, этот цвет в различных древнегерманских языках маркировал смертельный страх и ужас. В этом смысле «росомоны» могло быть германским иноназванием какого-то враждебного готам племени или рода.

Другие германские исследователи предлагают иные этимологии начального корня в имени росомонов, например, от древнегерманского *Ross* («конь» + *mann* – «человек»). В свое время с несущественными оговорками ее принял российский лингвист О.Н. Трубачов, также увидевший в имени росомонов готское *gos* «конь» + аланское *mojne* «человек» [41]. Сторонники «конской» гипотезы полагают, что название «росомоны» могло быть эпическим именем, обозначающим «людей на конях», «конников». Реже в имени росомонов лингвисты видят «защитников лошадей» — от (*h*)*rosmund*, по странной логике вспоминая, что Сунильда/Сванхильд была растоптана лошадьми. В то же время среди германских исследователей естественно не получила поддержки «роксоланская гипотеза». О. Гшвантлер вслед за С. Бугге по праву отклонил идею какой-либо лингвистической связи между этнонимами росомонов и народа всадников-роксолан [50].

Более чем спорной признается этимология имени росомонов у Т. Гринбергера из гот. *brusamo* – «ледовые люди» (*Eismänner*), а также у Р.Кёгеля из композита *brausi-muni* – «сильные духом», «храбрые»; и тем более у Штайнхойзера из *gusamuna* – «люди с бурным характером» («mit stürmischen Sinn») [53]. Некоторые лингвисты объясняют название росомонов готским словом *raus* – «камыш». Наконец существует гипотеза, возводящая имя росомонов к готскому *rotsmenn* – «гребец», «моряк». Однако ни рассказ Иордана, ни позднейшие древнегерманские саги не содержат даже малейшего намека на связь росомонов с морем, если не считать свидетельства готского историка (*Get.*, 117), что герулы (эрулы, но не росомоны!) обитали в болотах и топких местах, откуда и получили свое имя от (*h*)*ele* «болото» в связи с их местожительством у Меотиды с ее камышовыми берегами.

** Но Х. Станг явно ошибается, приписывая Иордану несуществующее свидетельство, что «росомонская» (эрульская) жена Эрманариха окрашивала себе волосы, за что король ее сразу же убивает жестоким образом. Ни в одной из рукописей «Гетики» нет даже намека на такую причину расправы с Сунильдой.

В поисках истоков Руси Д.А. Мачинский предложил обратиться к готскому периоду и естественно не мог пройти мимо росомонов Иордана [24]. Он попытался объяснить два эти названия как варианты одного и того же скандинавского этнонима. По его предположению, прибалтийские финны уже в первые века н. э., называли скандинавов *tuotsi, gots* («дружина»). Однако в столь раннее время этот финский термин еще нигде достоверно не зафиксирован. К тому же, как уже отмечалось, большинство лингвистов считают, что «рус» и «рос» имеют совершенно различные корни, несопоставимые между собой [3].

На первый взгляд, весьма оригинальный вариант германо-славянской гипотезы предложил Л.Н. Гумилев [12]. По его мнению, по происхождению росомоны являлись германцами-скандинавами ранней волны. Он склонялся к мысли признать росомонов за группу рогов и считал их маргинальным германским племенем. Росомоны-руги отличались воинственностью и кормились военной добычей, но как вандалы и анты, были не в ладах с готами. По Л.Н. Гумилеву, росомоны убежали от гуннов не на Дунай, вместе с прочими готами, а на Днепр. Их отношения со славянами были сложными и лишь постепенно они слились в единый древнерусский этнос. Но в III–IV вв. они были только союзниками, ибо их общими врагами были готы. Оценивая весьма смелую гипотезу Л.Н. Гумилева, следует признать, что кроме последнего факта (вражды с готами, а точнее — с их королем) она не имеет сколь-нибудь надежных оснований в источниках. Нам ничего не известно о происхождении росомонов, как, впрочем, и об их уходе на Днепр, не говоря уж о последующем слиянии со славянами. Последние предположения ученого носят чисто умозрительный характер и приведены с целью обосновать его концепцию происхождения Руси.

Не так давно О.В. Шаров рассмотрел две гипотезы происхождения названия росомонов [44]. Первая по существу предлагает вернуться к старому предположению Ф. Брауна, возводившему происхождение корня *ros* от гот. *hrod-hrop* в греческой огласовке, когда *h* не передается, а *d/p* переходит в *s* [7]. В качестве второго варианта гипотезы Санкт-Петербургский исследователь приводит также весьма старую точку зрения, что за основой *ros*- скрывается эпический топоним *Rosmofjoll* («Красные Холмы»), упомянутый в 17-й строфе Гренландской «Песни об Атли». В этом случае этноним «*rosomoni*» мог означать буквально «люди

местности *Ros*». В германском эпосе «Красные холмы» располагаются где-то на берегах Рейна, на территории бургунов. Это обстоятельство, а также совпадение функций мстителей-росомонов у Иордана и бургунов из эпического рода Гьюки позволило О.В. Шарову высказать предположение о тождестве тех и других, т. е. росомоны — это просто другое название германского племени бургунов.

Иногда росомонов рассматривали как один из знатных готских кланов типа королевских родов Балтов и Амалов [10]. Но и это предположение не находит прямого подтверждения в источниках. Поэтому Х. Вольфрам предложил даже прекратить размышления на эту тему и призвал довольствоваться лишь фактами. Однако принадлежность упомянутых Иорданом росомонов к знати, окружавшей короля Эрманариха, весьма вероятна.

Наконец, для нашей темы особенного внимания заслуживает точка зрения Карла Мюлленхофа, которую разделял и Теодор Моммзен. Они считали «коварное племя росомонов» эпическим именем: «*nomen epicum... et haud dubie mythicum negue historicum*». Вслед за ними Отто Ирричек и крупнейший исследователь истории древних германцев Людвиг Шмидт полагали, что росомоны, неизвестные ни одному из авторов, кроме Иордана, существовали лишь в эпосе: «это племя представляется эпически-фиктивным» [56]. Однако Л. Шмидт допускал, что рассказ о мести росомонов можно связать с часто случавшимися восстаниями племен, подчиненных остроготско-му королю и послуживших причиной его смерти, наступившей как раз в тот момент, когда готы особенно нуждались в авторитетном предводителе для борьбы с гуннами.

Итоги историографического анализа

Таким образом, более чем столетние исследования лингвистов и историков этнонима росомонов у Иордана не привели их к сколь-нибудь определенному и однозначному заключению о его этимологии и тем более происхождению, которое бы убедило и историков. Как уже отмечалось, большинство германских ученых выводят их имя из *rosamo/rosomo* — «красные», «красно-коричневые», предполагая, что росомоны получили его за воинский обычай красить волосы в красный цвет. Однако при всей кажущейся убедительности «цветовая» этимология росомонов далеко не бесспорна. Забегая вперед, позволим хотя бы напомнить, что в германском героическом эпосе Хамдир, Серли и их сводный брат Эрп выделяются не рыжими, а

черными волосами [13], а их сестра Сванхильд – светлыми. К тому же, мода на окраску волос известна и у других германских племен, имевших самые различные названия. Так, перед сражением с римлянами Юлий Цивилис из племени батавов окрасил волосы в красный цвет (Тас. Hist. IV. 61). По свидетельству Аммиана Марцеллина (XVII. 2. 2) один аламанский воин «по своему обычаю» точно так же окрасил свои волосы. Так что для германцев эта традиция была совсем не в диковинку и поэтому вряд ли она могла послужить причиной появления особого этнонима «росомоны».

Росомонов пытались искать в различных регионах Восточной Европы. Сторонники их славянской (антской) принадлежности локализуют это племя, как правило, в ареале черняховской культуры, к северу от территории, занятой остроготами Эрманариха, т. е. в Среднем Поднепровье или Надпорожье [32]. Р.А. Агеева предполагает обитание в IV в. подвластного готскому королю племени росомонов в междуречье Днепра и Дона [3]. Сторонники роксоланской, и шире – иранской этнической принадлежности росомонов чаще всего сдвигают их на восток в Приазовье и Прикубанье, не исключая и Крыма [22]. Некоторые исследователи допускают, что росомоны могли обитать где-то по соседству с гуннами, ближе к Танаису-Дону и поэтому имели с ними, в отличие от готов, «сепаратные» союзнические отношения. Однако следует заметить, что в тексте сочинения Иордана не содержится каких-либо указаний для сколь-нибудь определенной локализации росомонов. Несомненно одно, что братья-росомоны в самый драматический момент истории остроготов находились в окружении короля, что и позволило им, судя по всему, беспрепятственно совершить заговор против Эрманариха.

Новый подход к проблеме росомонов

В науке ценятся гипотезы, позволяющие открывать новые факты, идеи, смыслы, которые подтверждаются независимыми, подчас неожиданными сведениями. Они призваны связать в единое непротиворечивое целое свидетельства самого разного рода. Мы предлагаем весьма радикально изменить направление исследования проблемы росомонов и, прежде всего, отказаться от явного или скрытого этноцентризма в подходе к ней, тем более что этнических гипотез, как было показано выше, высказано предостаточно. Нам представляется исключительно важным то обстоятельство, что имени росомонов нет ни в одном из двух перечней покоренных Эрманарихом племен: про-

странном, среди так называемых «северных народов» (Get., 116), и кратком, где упомянуты только герулы, венеды, эстии (Get., 117–120). Исчезло оно и из раннесредневековых саг. Поэтому любопытно посмотреть, кем оно было заменено.

Если в списке подданных короля Эрманариха росомоны не значатся, как, впрочем, и не называется место их обитания, то, может быть, и искать их надо в ином, совсем не в этническом поле. Давно установлено, что Иордан или автор, которому принадлежит основное оформление текста о росомонах, не всегда хорошо понимал то, о чем пишет [4]. Это обстоятельство постоянно следует иметь в виду, обращаясь к «Гетике» Иордана как основному историческому источнику по интересующей нас теме.

Другой важный аспект состоит в том, что сюжет о росомонах может быть существенно прояснен в свете более поздней германской эпической традиции, к чему неоднократно призывали наши предшественники [46]. В ней Эрманариху также противостоят Сунихильда/Сванхильд, ее родные братья Сёрли (Сар) и Хамдир (Аммий), а также их сводный брат Эрп, отсутствующий у Иордана. Немалый гносеологический потенциал раннесредневековых саг как исторических источников по указанной проблеме нами проанализирован в другой работе [16].

В историографической части статьи мы убедились, что росомоны – племя, весьма спорное в этническом отношении. Однако сопоставление степени аргументированности «роксоланской» (иранской), «росской» (славянской) и «германской» (готской, герульской, ругской, бургундской) гипотез, убеждает, что продуктивнее всего исследование проблемы росомонов можно вести на древнегерманской почве. Иначе говоря, росомонов следует искать под «готским зонтиком» (выражение Х. Станга). Название их рода отражает один из древнегерманских способов образования этнонимов. Сунихильда и ее братья, вероятнее всего, носят германские имена.

В отношении Сунихильды это бесспорно. Оно точно соответствует готской форме sonahildi и действительно этимологически связано с германским словом, обозначающим лебедя. Напомним, что почти такое имя Sunigild носила жена короля Одоакра из германского племени скиров (или ругов), правившего остатками Западной Римской империи столетием позже Эрманариха (с 476 по 493 г.). Известно, что ее постигла такая же ужасная гибель, как и Сунихильду из «Истории» Иордана – она жес-

токо поплатилась за измену мужу [49]. Исследователи не исключают, что, скорее всего, эпический образ Сунильды, обязан своим происхождением именно этой исторически реальной женщине. Позднее имя Сванхильда было очень популярно у германских народов раннего Средневековья.

Не так однозначно дело обстоит с именами братьев Сунильды. Имя Сар пытались этимологизировать из разных языков, в том числе из иранского «sar» – «голова», «глава» [1] и фракийского со ссылкой на название поселения Сар в нижнем течении Борисфена у Птолемея (Ш. 5. 28) [45]. Однако этническая принадлежность его обитателей достоверно неизвестна. В то же время хорошо известно, что точно такое же имя Sarus носил знатный вестгот, неоднократно упоминавшийся в римских источниках после 400 г. (Olimp., frg. 3; Zosim., V. 34. 1, 36.2; Sozom. IX.3). Среди варваров и римлян он был широко известной личностью благодаря своей силе, ловкости и тяге к приключениям [54]. Этот «исторический» Сар долго враждовал с правящим королевским родом и в конце концов был убит будущим вестготским королем Атаульфом [10].

Имя Ammius (гот. *Amma-pius*), по мнению германских ученых, восходит к общегерманской форме *Amma-pegwaz*. Первый элемент двучлена относится к семантической сфере абстрактных понятий; второй явно принадлежит к социально-юридической сфере. Предлагаемый германистами перевод готского имени Ammius как «оболочка слуга», на первый взгляд, не очень вразумителен [5]. Однако, как мы увидим ниже, в свете более поздней эддической традиции имя Аммия не лишено определенного смысла. В дальнейшем это имя получило развитие в древнеисландском (эддическом) в форме *Amðir* и в древневерхненемецком *Amadeo*. Маловероятна связь этого имени с германским «*Ammet*» – «молот» и тем более с иранским *ama* – «могучий» [18]. В то же время известен римский сенатор 97 г. н. э. Ammius Flaccus (Plin. Epistula. IX.13.13).

Как бы то ни было, включение Сунильды, Сара и Аммия в германскую эпическую традицию показывает, что для готов – современников Иордана и германцев последующих поколений они были «своими» [50] и, как допускает Х. Вольфрам, вероятно, были таковыми. По поводу последнего допущения все же следует сделать оговорку – сами по себе имена, конечно, не определяли этническую принадлежность их носителей, тем более в эпоху Великого переселения народов. Это хорошо пони-

мал уже Иордан, обративший внимание на широко распространенное в то время явление заимствования сарматами германских, а готами – гуннских имен (Get., 58–59). Для решения проблемы росомонов более существенным представляется другое.

Судя по древненорвежской «Песне Хамдира» (*Hamðismal*) и знаменитому изображению, высеченному на готландском камне Ардре VIII, героическая песнь о гибели Эрманариха-Йормунрека не позже второй половины VIII в. была известна и в Восточной Скандинавии. Причем в этой саге Сванхильда (*Svanhild*) уже становится женой короля, которую он приказал из-за супружеской измены растоптать конями. В свою очередь, мстя за эту расправу, на Йормунрека во время сна совершили покушение братья Сванхильды, Хамдир и Слрли (*Ammius* и *Sarus* Иордана). Они отрубили спящему королю руки и ноги, но не успели отсечь голову. Пришедший в себя раненый Йормунрек приказывает своим воинам забросать братьев камнями. Здесь следует напомнить, что побитие камнями – ритуальный способ казни у готов [62]. Людвиг Бюиссон полагает, что именно эта ключевая сцена убийства Йормунрека высечена в верхней части знаменитого надгробного камня из Ардре VIII [47]. Здесь слева изображена фигура мужчины с поднятым мечом, рядом фигура мужчины, лежащего на полу, и над ним справа стоящие фигуры двух мужчин и одной женщины (в трактовке Л. Бюиссона – соответственно Хамдира, Слрли и Сванхильды).

На наш взгляд, возможна и несколько иная интерпретация изображения на камне из Ардре в свете скандинавской эпической традиции. В «Песни о Хервёре» («*Hervarar saga*», 7) – одной из так называемых «саг древних веков», но записанной в XIII в., – главным персонажем является король Эрманарих (Хейдрек). В ней утверждается, что «Хейдрек будет звать его народ и станет он самым сильным на Земле». Еще в юности он убивает мечом, носящим «говорящее» имя *Tyrfing* (ср.: тервинги – этноним визиготов), своего брата и за это отправляется отцом в изгнание на чужбину. Хейдрек уходит на восток, вначале в Гардарики, далее в Хуналанд («Страну гуннов»), пока наконец не становится королем Рейдготланда. *Reiðgotaland* – в сагах название эпической прародины готов [25]. Вначале он проявляет себя как мудрый мирный король страны «блестящих готов» (хрейдготов = гревтунгов). Однако в конце жизни Хейдрек вступает в спор с Одином и, не сумев отгадать его загадку (*Heidreks gatur*), поднимает меч против бога. И из-за этого

неверные слуги, придворные убивают своего короля [48]. По упомянутым в саге топонимам и этнонимам, изложенный выше рассказ считается очень ранним, восходящим к готскому сказанию.

На наш взгляд, именно этот сюжет дает ключ к иной интерпретации изображения на камне Ардре VIII, нежели у Л. Бюиссона. Дело в том, что фигура мужчины слева, поднявшего к небу меч, явно отгорожена от основной сцены убийства короля. Поэтому можно предположить, что мужская фигура с мечом – это сам Хейдрек-Эрманарих, посмевавшийся поднять оружие на Одина, лежащая мужская фигура – тот же Хейдрек, но уже убитый придворными, справа его протагонисты – Хамдир, Сёрли и Сванхльда.

Кажется, именно этот раннесредневековый эпический сюжет вместе с изображением на камне Ардре VIII может пролить свет на вопрос, откуда в более раннем рассказе Иордана взялись загадочные росомоны. Дело в том, что в лексиконе готской Библии, записанной Ульфиллой в IV в., есть не только слово *mappa* – «муж», но и слово *gohsns* = др.гр. οἶκος – «двор» [60]. Известно, что последнее употреблялось и остроготами, т. к. производное от него слово *gazna* сохранялось в языке крымских готов вплоть до позднего Средневековья [39]. Если это так, то получается, что *gohsomannas* — *gohsomoni* по-готски могло означать что-то вроде «люди двора», т. е. «придворные». В таком случае коварные братья-росомоны Сар и Аммий – это лишь придворные, слуги из окружения Эрманариха, а не особое, покоренное им племя (этнос), которое так долго и безуспешно искали историки и археологи. Во всяком случае, таковыми они стали в общегерманском эпическом сюжете эпохи Великого переселения народов. В этом контексте получает логическое объяснение и странное, на первый взгляд, имя одного из братьев – росомонов Аммий, включавшее древнюю основу со значением «слуга».

В таком ключе вопрос о росомонах еще не рассматривался в нашей науке. Представляется, что предложенный выше подход проливает свет на событие, послужившее прелюдией к гибели остроготского королевства Эрманариха – это был заговор среди приближенных остроготского короля. Наша гипотеза снимает целый ряд неразрешимых вопросов не только в истории готов в Северном Причерноморье, но и в предистории Древней Руси. Во всяком случае, кажется, ее истоки следует искать, не привлекая проанализированное выше свидетельство Иордана о заговорщиках-росомонах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. – М.; Л., 1949.
2. *Абакумов А.В.* – (slavica.maillist.ru/abakumov/?mat=53&rubr=12).
3. *Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. – М., 1990.
4. *Анфертьев А.Н.* Иордан // Свод древнейших известий о славянах. – Т. 1. – М., 1991. – С.103, 155.
5. *Артамонов М.И.* Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // КСИИМК. 1940. – Вып. VI. – С.13.
6. *Брайчевский М.Ю.* «Русские» названия порогов у Константина Багряно-родного // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. – Киев, 1985. – С. 21.
7. *Браун Ф.* Разыскания в области гото-славянских отношений. – СПб., 1899.
8. *Буданова В. П.* Готы в эпоху великого переселения народов. – М., 1990.
9. *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. – Л., 1991.
10. *Вольфрам Х.* Готы. – СПб., 2003.
11. *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. – М., 2002.
12. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. – М., 1993.
13. *Гуревич А.Я.* «Эдда» и сага. – М., 1972.
14. *Гутнов Ф.Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. – Орджоникидзе, 1989.
15. *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). – М., 2001.
16. *Зиньковская И.В.* Готский король Эрманарих (от исторической личности к эпическому образу) // Вестник Белгородского государственного университета. – 2008. – № 2.
17. *Иловыйский Д.И.* Начало Руси. – М., 2003.
18. *Карсанов А.Н.* Об этнической принадлежности росомонов // Имя – этнос – история. – М., 1989.
19. *Ковалев Г.Ф.* Еще раз о происхождении этнонима «Русь» // Acta balticoslavica. № 17. – С. 131–145.
20. *Комар О.В.* Роксолани: історія та проблематика // Академія. 4. 1. – К., 1994. – С. 40–46.
21. *Комар О.В.* Сармати Поросся та «південна» гіпотеза походження Русі // Vita Antiqua. – 1999. – № 1. – С. 81–88.
22. *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. – М., 2003.
23. *Ломоносов М.В.* О происхождении и древности россов, о переселениях и делах их // Полн. собр. соч. – Т. 6. – М.; Л., 1952.
24. *Мачинский Д.А.* О месте Северной Руси в процессе сложения древне-русского государства и европейской культурной общности // Археологические исследования Новгородской земли. – Л., 1984. – С. 5–12.
25. *Мельникова Е.А.* Древнегерманская эпическая топонимия в скандинавской литературе XII–XIV вв. (к истории топонима Reipgotaland) // Скандинавские языки. Структурно-функциональные аспекты. – Вып. 2. – М., 1990. – С. 264–277.

26. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. – СПб., 1999.
27. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX веков // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1967. – С. 408.
28. Павленко Ю.В. Передісторія давніх русів у світовому контексті. – К., 1994.
29. Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.; Л., 1941.
30. Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология. – 1953. – XVII. – С. 23–104.
31. Рыбаков Б.А. Историзм «Слова о полку Игореве» // История СССР. – 1985. – № 5. – С. 41–42.
32. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1987.
33. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М., 1982.
34. Седов В.В. Славяне в древности. – М., 1994.
35. Скржинская Е.Ч. Комментарии // Иордан. О происхождении и деянии гетов. – СПб., 2000. – С. 281.
36. Станг Х. Наименование Руси (герульская версия) // Stratum plus. – 1999. – № 5.
37. Стрижак О.С. Етнонімія Птолемеєвої Сарматії. – К., 1991.
38. Толстов С.П. Из предистории Руси // Советская этнография. – 1947. – Вып. VI–VII. – С. 54.
39. Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования 1982. – М., 1983. – С. 239.
40. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. – М., 1953.
41. Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология – 1965. – М., 1967. – С. 11
42. Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. – М., 1999.
43. Удальцов А.Д. Основные вопросы этногенеза славян // СЭ. – Т. VI–VII. – 1947. – С. 13.
44. Шаров О.А. Гибель Эрманариха: история и эпос // Структуры и катастрофы. Stratum plus. 1997. – С. 73–94.
45. Щербаков В. Века Трояновы. Дорогами тысячелетий. – М., 1988.
46. Щужин М.Б. Готский путь. – СПб., 2005.
47. Buisson L. Der Bildstein Ardre VIII auf Gotland. Göttermythen, Heldensagen und Jenseitsglaube der Germanen im 8. Jh n. Chr. – Göttingen, 1976. – S. 108–112. – Taf. 4.
48. Die Heidreksrätsel // Thule. – 1932. – Bd. II. – S. 165.
49. Castritius H. Rosomonen // RGA. – 2003. – Bd. 23. – S. 356.
50. Gschwantler O. Zum Namen der Rosomonen und an. Jonakr // Die Sprache. – 1971. – 17. – S. 164–176.
51. Jiriczek O.L. Deutsche Heldensagen. – Bd. 1. – Strassburg, 1898. – S. 61.
52. Maenchen-Helfen O.J. Die Welt der Hunnen. – Wien; Köln; Graz, 1978. – S. 17.
53. Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. – Leipzig, 1903. – S. 384.
54. Neumann G. Rosomonen. §1. Der Name // RGA. 2003. – Bd. 25. – S. 353.
55. Seeck O. Sarus // PW RE. – Hbd. 3. – Stuttgart, 1921. – Coll. 55.
56. See K. von. Germanische Heldensage. Stoffe – Probleme – Methoden. 1981.
57. Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. – Bd. 1. Ostgermanen. – München, 1969. – S. 241.
58. Schwentner E. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung den Gebrauch und die Bedeutung der agerm. Farbbezeichnungen. – B., 1915.
59. Söderlind S. Rysernas rike. Till fregan om det Ustslaviska rikets uppkomst. – Stockholm, 1978.
60. Solmsen F. Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte. – Heidelberg, 1922. – S. 117.
61. Streitberg W. Die Gotische Bibel. – Heidelberg, 1919. – S. 90, 112.
62. Vbrady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens (376–476). – Budapest, 1969. – S. 218.
63. Wamers E. Die Völkerwanderungszeit im Spiegel der germanischen Heldensagen // Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. – Nürnberg, 1988.

Воронежский государственный университет
И.В. Зиньковская, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории средних веков и
зарубежных славянских народов
medieval@hist.vsu.ru
Тел. 24-75-14

Voronezh State University
I.V. Zin'kovskaya, the candidate of the historical
science, the docent of the department of History of the
Middle ages and Foreign Slavic Studies
medieval@hist.vsu.ru
Тел. 24-75-14